

ЗАПИСКИ ПЕСЛЯКА.

РЕДЛАГАЕМЫЯ здѣсь записки ссыльнаго Алоизія Песляка, памятнаго по своей дѣятельности въ оренбургскомъ краѣ, любопытны въ томъ отношеніи, что проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на неудачную, малоизвѣстную у насъ въ литературѣ, степную хивинскую экспедицію оренбургскаго генераль-губернатора графа Перовскаго. Сверхъ того, записки эти рисуютъ и замѣчательную по превратностямъ судьбы личность автора, который много пережилъ и много испыталъ. Не разъ случалось ему доходить до отчаянія, но нравственная сила поддержала его во всѣхъ испытаніяхъ жизни и позволила спокойно умереть среди любимаго семейства, облегчавшаго послѣднія минуты страдальца, насколько это было возможно.

Дорого заплатилъ А. С. Песлякъ за ошибочное увлеченіе своей ранней молодости, но увлеченіе это выкупилъ онъ всей своей остальной грустно-тяжолой жизнью, съ рѣдкими, выпадавшими повременамъ и на его долю, мгновеніями покоя и счастья.

Мы оставляемъ записки почти въ томъ видѣ, какъ они были написаны А. С. Песлякомъ, позволивъ себѣ только кое-гдѣ сгладить слогъ и исключить нѣкоторыя малоинтересныя подробности.

Больно и трудно обратиться мнѣ къ воспоминаніямъ первыхъ лѣтъ моей скитальческой и многострадной жизни, такъ жестоко и такъ надолго закрывшей мнѣ доступъ къ карьерѣ, на которую я имѣлъ право по рожденію и воспитанію. Но что случилось, то случилось и прошлаго не воротить; не воротить и тѣхъ силъ, той энергіи, которыя въ молодости моей растратились по мелочамъ,

растратились не такъ, какъ бы имъ слѣдовало. Грустно вспоминать обо всемъ этомъ!

Родился я въ 1807 году, въ Троицкомъ уѣздѣ Виленской губерніи, и по происхожденію принадлежалъ въ древней, благородной литовской фамиліи. Родители мои были люди съ весьма ограниченнымъ состояніемъ, ограниченнымъ на столько, что едва лишь могли, и то съ большимъ трудомъ, дать приличное воспитаніе своему семейству, состоявшему, кромѣ меня, еще изъ сестры и пяти братьевъ, о которыхъ я сохранилъ самыя дружественныя и пріятныя воспоминанія.

Первые годы моей жизни прошли въ домашнемъ воспитаніи нѣжнолюбимыми отцомъ и матерью, послѣ чего, по достиженіи извѣстнаго возраста, меня отдали для дальнѣйшаго воспитанія и образованія въ Крожскую гимназію, находившуюся въ Самогитіи, составляющей въ настоящее время Ковенскую губернію. При самомъ окончаніи мною гимназическаго курса, у воспитанниковъ нашей гимназіи были найдены стихотворенія, направленные противъ правительства. Это случилось какъ разъ въ то время, когда слѣдственная коммисія подъ предѣлательствомъ сенатора Новосильцева, назначенная надъ обществами якобинцевъ, раздѣлявшихся на «филаретовъ» и «иллюминатовъ», была переведена изъ Варшавы въ г. Вильно для продолженія слѣдствія.

Дѣло крожскихъ гимназистовъ неожиданно получило въ глазахъ коммисіи весьма важное значеніе: открылось тайное общество подъ названіемъ Черныхъ братій, къ которому оказался прикосновеннымъ и я вслѣдствіе того, что зналъ лишь одно изъ стихотвореній этого общества. Знаніе этого оказалось настолько пагубнымъ и роковымъ, что въ 1823 году, имѣя отъ роду всего 16 лѣтъ, мнѣ пришлось явиться передъ военно-судной коммисіей вмѣстѣ съ товарищами по гимназіи: Янчевскимъ, Ивашкевичемъ, Зеленовичемъ, Сухотскимъ и Виткевичемъ, которому было всего только 14 лѣтъ; по годамъ я былъ между ними самый старшій. По опредѣленію коммисіи, Янчевскій и Зеленовичъ приговорены были къ смертной казни, а остальные къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на каторгу,—но по приказу его императорскаго высочества великаго князя Константина Павловича, въ 1824 году, въ мартѣ, намъ объявили конфирмацію: приговоренныхъ къ смерти помиловать и заключить въ Бобруйскую крѣпость на работы безсрочно, съ заковкою въ цѣпи.

Спустя 9 мѣсяцевъ по приведеніи въ исполненіе конфирмація, Зеленовичъ, не вынеся нравственныхъ и физическихъ страданій, сошелъ съ ума и въ такомъ жалкомъ положеніи умеръ, не придя въ сознаніе даже передъ смертію, а Янчевскій, по милостивому приказу великаго князя Михаила Павловича, былъ впослѣдствіи отъ работы освобожденъ и назначенъ рядовымъ, такъ что имѣлъ возможность участвовать въ турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ и

за храбрость произведенъ въ унтеръ-офицеры; затѣмъ, въ сраженіяхъ во время польскаго мятожа 1830 года, раненъ и произведенъ въ чинъ офицера и закончилъ свою карьеру шавельскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Не менѣе тяжкая участь выпала на долю насъ четырехъ: меня, Ивашкевича, Сухотскаго и Виткевича. По конфирмаціи намъ было объявлено, что мы лишены всѣхъ правъ состоянія и ссылаемся въ оренбургскій отдѣльный корпусъ для размѣщенія по баталіонамъ рядовыми: Виткевичъ въ Орскій, я въ Верхнеуральскій, Ивашкевичъ въ Троицкій и Сухотскій въ Звѣриноголовскій безъ выслуги. Какъ громомъ поразило насъ это опредѣленіе, но слѣдовало покориться ему и отправиться въ невѣдомую, совершенно дикую по нашимъ понятіямъ страну.

Къ мѣсту назначенія мы слѣдовали закованными въ тяжолыя пудовыя цѣпи, причинявшія намъ въ пути жестокія мученія, какъ отъ непривычки носить и справляться съ ними, такъ и отъ чрезмерной для нашихъ слабыхъ силъ тяжести, дававшей себя чувствовать во время большихъ переходовъ по этапамъ. По прибытіи на мѣсто, къ намъ, по исполненіи разныхъ формальностей и по размѣщеніи въ назначенные баталіоны, приставлены для надзора солдаты и унтеръ-офицеры. Въ числѣ другихъ карательныхъ мѣръ послѣдовало запрещеніе всякой переписки—даже съ родными, и вообще имѣть съ ними какое-либо сношеніе, а такъ же и знакомиться съ кѣмъ бы-то ни было. Однимъ словомъ, можно сказать, что тогдашняя крайне строгая военная дисциплина была примѣнена къ намъ въ полной мѣрѣ и насъ держали подъ самымъ строгимъ надзоромъ.

Съ этого времени начинается длинный рядъ тяжолыхъ испытаній...

Чтобы хоть чѣмъ нибудь обезпечить и улучшить болѣе чѣмъ скромное матеріальное существованіе ссыльнаго, заброшеннаго по волѣ Провидѣнія въ совершенно невѣдомый до тѣхъ поръ край, и поддерживать бодрость духа и нравственныя силы, я, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время, училъ читать и писать дѣтей. Дѣло обученія шло довольно успѣшно и получаемая мною за уроки плата по 10—12 к. въ мѣсяцъ съ ученика, позволяла нѣсколько улучшить пищу и обзавестись приличнымъ бѣльемъ и одеждой, и я уже мечталъ о болѣе удобномъ образѣ жизни, чѣмъ казарменная, казенная обстановка, но, черезъ три года моихъ занятій съ дѣтьми, мнѣ запретили уроки. Приходилось изобрѣтать другое какое либо средство для сноснаго существованія, къ которому въ послѣднее время я началъ привыкать, о возвращеніи же вновь къ первоначальному положенію, какъ въ первое время ссылки, я не могъ и подумать безъ невольнаго содроганія и ужаса. И вотъ, оправдывая на себѣ пословицу, что «голь хитра на выдумки», я вспомнилъ, что у меня

еще есть исходъ: искусство вязать чулки, вареги, рукавицы, косить и вообще исполнять всѣ хозяйственныя работы. Недовольствуясь этимъ, я выучился шить башмаки и солдатскіе сапоги, получая за шитье пары сапогъ по 20, а башмаковъ по 6 к. ас. и такимъ образомъ шитьемъ тѣхъ и другихъ замѣнился доходъ отъ обученія дѣтей. Но хотя я и радовался своимъ успѣхамъ въ мастерствѣ, трудовъ моихъ все еще было не вполне достаточно для улучшенія содержанія на столько, какъ мнѣ того хотѣлось, такъ что я вынужденъ былъ самъ печь себѣ хлѣбъ, который нерѣдко одинъ только составлялъ мой завтракъ, обѣдъ и ужинъ на берегу рѣки Урала, гдѣ я, закусивъ круто насоленнымъ ломтемъ хлѣба, частенько принимался за стирку бѣлья. Не довольствуясь однакоже одной чисто животнo-растительной жизнью, я жаждалъ и болѣе интеллигентнаго препровожденія времени для удовлетворенія потребности ума и духовной стороны жизни, почему, по врожденной наклонности къ естествознанію, принялся за самостоятельное изученіе естественныхъ наукъ и, примѣняя теорію къ практикѣ, занялся собираніемъ травъ, насѣкомыхъ, минераловъ и проч., посвящая на это малѣйшее свободное время, остававшееся мнѣ отъ служебныхъ занятій и мастерства.

По неимѣнію подъ руками зачастую необходимыхъ книгъ для руководства и по невозможности вслѣдствіе этого опредѣлять виды, роды и семейства растеній, я описывалъ ихъ мѣсторожденіе и способы употребленія ихъ мѣстными жителями при леченіи различныхъ болѣзней. Собранныя мною растенія, вмѣстѣ съ замѣтками, впослѣдствіи были пересланы въ виленскій университетъ черезъ посредство сосланныхъ послѣ меня старшихъ товарищей, кончившихъ университетскій курсъ: Зана, Чечета и Сузика; за коллекціи мои отъ университета было прислано мнѣ небольшое денежное вспомошествованіе и необходимыя руководства и сочиненія по естествознанію, которыя однакоже отъ меня были отобраны, при чемъ запрещено и собираніе растеній и насѣкомыхъ. Распоряженіе это повело къ тому, что матеріальные недостатки мои снова возобновились; послушаться же приказанія начальства и заняться тайно составленіемъ коллекцій я не могъ рисковать, боясь нажить непріятности и ухудшить и безъ того не легкое положеніе отверженника отъ родины, общества и даже своихъ сослуживцевъ-солдатъ не ссыльныхъ.

Продолжаю дальше грустную повѣсть почти непрерывнаго ряда тяжелыхъ невыносимыхъ страданій.

При исполненіи военныхъ служебныхъ обязанностей, мнѣ приходилось выстаивать въ суточныхъ караулахъ по 3 часа, нерѣдко при морозѣ въ 30° по Р., попеременно съ товарищами, послѣ чего я снова посылался въ ночной караулъ, который и выстаивалъ, прикрывшись одною только солдатской шинелью. Сильное и крѣп-

кое сложеніе и твердая воля одолѣли все и сохранили меня отъ опасныхъ и серьезныхъ болѣзней.

По службѣ я старался быть всегда, по мѣрѣ возможности, исполнительнымъ и, желая хоть нѣсколько смягчить суровыя отношенія къ себѣ сотоварищей, просилъ фельдфебеля, чтобы онъ назначалъ меня за старыхъ солдатъ на дальніе выставочные посты.

Это привлекло ко мнѣ отчасти расположеніе сотоварищей по службѣ и даже презрительное прозвище: «безмозглый полячишка» замѣнилось болѣе человѣчнымъ «Леонтіемъ», какъ они по своему называли меня, а въ частовременныхъ дальнихъ караулахъ удостоивался я порою отъ нихъ угощенія горячими щами, приносимыми имъ женами. Но и при такомъ положеніи дѣлъ участь моя, не могу сказать, чтобы была особенно хороша и приходилось многое и многое терпѣть и переносить, чтобы еще болѣе не ухудшить своего положенія въ столь мало свойственной мнѣ по рожденію и воспитанію обстановкѣ, о которой и теперь еще, послѣ столькихъ лѣтъ болѣе удобной и относительно покойной жизни, я не могу вспомнить вполнѣ хладнокровно.

Проведя утомительные часы караульной службы и дождавшись очередной смѣны, утомленный нравственно и физически, буквально падая отъ изнеможенія и истощенія силъ, я радъ былъ, если, по тѣснотѣ помѣщенія караулки, могъ найти себѣ пріютъ подъ лавкою, но и тутъ сонъ мой нерѣдко прерывался толчкомъ ногою въ бокъ и раздавался грубый и сердитый голосъ:

— Убирайся безмозглый фармазонъ, я лягу тутъ!

Раздраженіе весьма понятное въ обезсиленномъ и измученномъ человѣкѣ, жаждущемъ мѣста для успокоенія и ненаходящемъ его по недостатку мѣста; ясно, что въ такомъ состояніи раздраженіе и злоба, не находя себѣ исхода, легко можетъ обрушиться и на ни въ чемъ неповиннаго.

Описывать подробно всѣ мои страданія было бы слишкомъ трудно и потребовалось бы много времени, а потому, умалчивая о большей части ихъ, обращаюсь снова къ моей автобіографіи.

Неудачи въ моихъ научныхъ занятіяхъ, преслѣдуемыхъ запрещеніями и отобраніями научныхъ пособій, доставленныхъ мнѣ виленьскимъ университетомъ, и коллекцій, составлявшихся мною съ такимъ трудомъ, принудили меня обратиться къ другому роду занятій, менѣе подозрительнымъ въ глазахъ начальства, именно коммерческимъ, и я занялся дѣланіемъ головныхъ щетокъ съ помощью чуть не первобытныхъ орудій: перочиннаго ножа и гвоздя, украшая свои издѣлія стеклянными обломками и черепаховыми подвѣсками для серегъ. Утомительный и малоблагодарный трудъ этотъ оказался въ высшей степени неудобнымъ и неудачнымъ еще въ томъ отношеніи, что уравнивая волосы на щеткахъ при слабомъ освѣщеніи одной свѣчи на довольно большое помѣщеніе, я засорилъ

себѣ обрѣзками волосъ глаза и вслѣдствіе этой несчастной случайности подвергся тяжкимъ страданіямъ на цѣлыхъ два мѣсяца. Несмотря однакоже на это обстоятельство, сдѣланныя мною щетки, черезъ тѣхъ же товарищей моихъ—Зана и Чечета, были проданы и на вырученныя деньги я обзавелся сапогами, бѣльемъ, сносной шинелью и кромѣ того могъ улучшить пищу настолько, что прекратилъ обѣды и ужины на Уралѣ. Но относительное довольство это продолжалось не долго; благодаря не особенно воздержному дядкѣ моему, взводному унтеръ-офицеру, а также и ротному командиру, скромный запасъ мой скоро истощился и я опять пришелъ въ прежнее положеніе. Между тѣмъ прошло уже пять лѣтъ моей службы рядовымъ и во все это время маршировкой, дѣланіемъ артикуловъ ружьемъ, военною выправкою и строгою нравственностью, я заслужилъ вниманіе начальства и, благодаря ловкости и стройности сравнительно съ своими баталліонными сослуживцами, былъ назначаемъ въ караулы за ефрейтора и на вѣсти къ высшему начальству, почему и успѣлъ заслужить лестное вниманіе генераль-губернатора Эссена, который представилъ меня вмѣстѣ съ моими товарищами въ унтеръ-офицеры, но къ нашему несчастью одновременно съ нами былъ представленъ разжалованный штабсъ-капитанъ Брандтъ, извѣстный своими проступками государю императору, почему въ представленіи послѣдовалъ отказъ, съ подтвержденіемъ: «никогда впредь не представлять насъ болѣе».

Я перенесъ этотъ ударъ спокойно, но Сухотскій, при своей впечатлительной, нервной натурѣ, не вынесъ тяжкаго испытанія, застрѣлся.

Не покидавшая во всѣхъ несчастіяхъ мысль о возможномъ улучшеніи своего положенія, натолкнула меня на счастливую идею устройства танцъ-класса, что было мнѣ не особенно трудно, такъ какъ я зналъ вполнѣ правила танцевъ, входившихъ въ то время въ моду.

Нашлись многіе, приглашавшіе меня учить своихъ дѣтей и этому искусству, что дало мнѣ сносную заработную плату. Родители восхищались успѣхами моихъ учениковъ и ученицъ, а я, получая довольно денегъ, имѣлъ возможность жить порядочно; къ тому же мнѣ дали позволеніе охотиться. При изобиліи на Уралѣ дичи и рыбы, я и дядка мой, рядовой Изоть Феоктистовъ, страстный рыбоводъ, постоянно были богаты какъ дичью, такъ и рыбой, остатокъ же продавали, получая за пару утокъ отъ 6 до 7 коп. ас., и на деньги эти покупали себѣ молоко и калачи. Такимъ образомъ, матеріальная сторона жизни улучшалась еще болѣе, но за то событіе 14-го декабря 1825 года увеличило строгости.

На меня обращено было особенное вниманіе и обрушилась вся тяжесть обученія ружейнымъ приемамъ, маршировкѣ и проч. въ учебной, гдѣ приходилось по нѣскольку часовъ сряду употреблять

одновременно въ дѣло горло, руки и ноги, такъ что свободнаго отъ ученія времени оставалось не болѣе 8-ми часовъ въ сутки, часть которыхъ — около двухъ часовъ — опять-таки посвящалась на то, чтобы сапоги, пуговицы, ружье и проч., отчищенные кирпичемъ, блистали какъ зеркало, а остальные 6 часовъ проходили незамѣтно въ отдохновеніи и чтеніи «Четиминеи», данной мнѣ священникомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы я, въ видѣ контроля, передавалъ въ разсказахъ жизнь святыхъ отцовъ его многочисленному семейству, благодаря чему жизнь святыхъ и ихъ страданія остались такъ твердо въ моей памяти, что я впоследствии могъ передавать эти разсказы своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ. Ненависть и зависть нѣсколькихъ собратій, грубыхъ и закоснѣлыхъ солдатъ, произвела то, что меня называли въ баталіонѣ фармазономъ, такъ что начальство, подозрѣвая, не принадлежу ли я дѣйствительно къ масонскому обществу, нѣсколько разъ приказывало приводить меня подъ конвоемъ къ развернутому фронту баталіона и здѣсь, передъ аналоемъ съ лежащимъ на немъ евангеліемъ, священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ, заставлялъ меня слагать крестное знаменіе, которое нѣсколько разъ поправлялось имъ и баталіоннымъ командиромъ, затѣмъ поднять правую руку съ этимъ знаменіемъ вверхъ и повторять за нимъ какъ можно громче, что «я клянусь не принадлежать болѣе ни къ какимъ масонскимъ ложамъ». Ясно, что клятвы эти нисколько не разувѣряли солдатъ въ моемъ мнимомъ фармazonствѣ, а напротивъ каждый разъ въ нихъ укоренялось и увеличивалось какое-то непріязненное ко мнѣ отношеніе, ухудшавшее и безъ того незавидную мою долю, среди нихъ.

Потерявъ при такой необыкновенной строгости совершенно всякую надежду на улучшеніе участи, я впалъ въ уныніе и въ отчаяніи рѣшился на все... Физическія и нравственныя силы стали ослабѣвать. Опасаясь, что личность моя можетъ пострадать отъ наказанія, примѣнявшагося къ сотоварищамъ, привыкшимъ къ этому, я запасся кинжаломъ и ядомъ, доставъ послѣдній отъ фельдшера и носилъ и то, и другое, постоянно при себѣ съ твердымъ намѣреніемъ, что если буду наказанъ физически наравнѣ съ товарищами, поразить кинжаломъ виновнаго, а ядомъ прекратить свои невыносимыя страданія.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи, близкій къ помѣшательству, преступленію или самоубійству, я былъ спасенъ и удержанъ отъ гибельнаго намѣренія незабвеннымъ другомъ моимъ — Алексѣемъ Веденяпинымъ. Это былъ декабристъ, лишенный офицерскаго званія съ выслугою. Къ моему счастью, онъ былъ сосланъ въ тотъ самый 5-й баталіонъ, въ которомъ томился и я. Страданія, лѣта и сходство характеровъ, соединили насъ узами неразрывной дружбы, но и тутъ злобный и ошибочный взглядъ людей нашелъ въ на-

иныхъ отношеніяхъ небывалый вредъ. Насъ помѣстили на разныя квартиры и приставили къ обоимъ стражу, такъ что мы не могли имѣть между собою никакихъ сношеній, кромѣ баталіоннаго ученія, да въ учебной комнатѣ, гдѣ насъ однако же всегда разставляли въ разныхъ углахъ экзерциръ-гауза. Потребность обмѣна мыслей, чувствъ и желаній—указали на способъ къ свиданіямъ, и мы, сходясь съ величайшими предосторожностями, незамѣтно проводили время, дѣлясь дѣйствительностью и мечтами, и были счастливы и этимъ немногимъ.

Изучивъ въ совершенствѣ мой характеръ, Веденяпинъ упротилъ меня бросить ядъ и кинжалъ; дружба взяла верхъ — я покорился его желанію.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, много воды утекло, а Алексѣй, какъ половина души моей, всегда живетъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

По высочайшему повелѣнію, Веденяпинъ вмѣстѣ съ своими товарищами: Бестужевымъ (извѣстнымъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марлинскаго), Кожевниковымъ и Вишневскимъ, былъ переведенъ на Кавказъ, что сдѣлано съ цѣлью дать имъ возможность или отличиться и вновь занять подобающее положеніе, или же смертью загладить преступленія, въ которыя они были вовлечены. Въ Оренбургѣ они дожидались для совмѣстной отправки на Кавказъ еще двухъ товарищей изъ сибирскаго корпуса — Фока и Лаппа, а потому мы съ Веденяпинымъ имѣли возможность вести переписку черезъ киргизскую степь, и продолжали ее до прибытія отправляемыхъ въ Астрахань. Съ этого времени Веденяпинъ навсегда исчезъ для меня и я снова остался одинокимъ. Не стало того, кто совѣтами и утѣшеніями поддерживалъ меня нравственно, кто унесъ съ собою много отраднаго, еще живущаго въ моей душѣ!

Оставленный одинъ на произволъ судьбы, я снова вынужденъ былъ вести упорную борьбу съ невѣжествомъ и безнравственностью; не было уже человѣка, который заглянулъ бы въ мою душу и понималъ ежедневно испытываемыя мною пытки, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, судьбѣ угодно было утѣшить меня отдаленной надеждой.

Знаменитый естествоиспытатель Александръ фонъ-Гумбольдтъ, путешествовавшій въ то время по Россіи съ ученою цѣлью, вздумалъ осмотрѣть прорывъ Губерлинскихъ горъ рѣкою Ураломъ. Мнѣ было извѣстно, что онъ будетъ проѣзжать черезъ Верхнеуральскъ и слѣдовать по линіи до крѣпости Орской, а потому я постарался видѣться съ нимъ. Это послужило къ моему счастью. По прибытіи его въ Орскую крѣпость, я явился къ нему, и онъ, разспросивъ меня подробно о занятіяхъ естественными науками и о составленіи ботаническихъ, минералогическихъ и энтомологическихъ лекцій, не мало удивился, найдя въ библіотекѣ моего товарища Вит-

кевича 18 томовъ своихъ сочиненій и узнавъ, что онъ занимается изученіемъ восточныхъ языковъ, которыхъ зналъ вмѣстѣ съ европейскими 19.

Провожая Гумбольдта на Губерлинскія горы, Виткевичъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и открылъ ему свое намѣреніе перебраться черезъ Среднюю Азію въ англійскія колоніи вмѣстѣ со мною, причемъ я долженъ былъ слѣдовать за нимъ въ видѣ глухонѣмого, по незванію восточныхъ языковъ. Для исполненія этого плана, въ киргизской степи были выставлены лошади; я былъ посвященъ въ планъ бѣгства, но не согласился на него и убѣдилъ Виткевича оставить это намѣреніе, а съ терпѣніемъ дожидаться лучшей участи. Случай этотъ фонъ-Гумбольдтъ рассказываетъ, между прочимъ, въ своемъ «Путешествіи по Россіи».

По отъѣздѣ фонъ-Гумбольдта, чреда обыденной труженической жизни наступила снова. Прошло 5 мѣсяцевъ безъ всякаго ожиданія и надежды на улучшеніе участи; но внезапно въ Оренбургѣ: получилось изъ С.-Петербурга распоряженіе, что я и Ивашкевичъ по высочайшему повелѣнію пожалованы въ унтеръ-офицеры, а Виткевичъ, какъ знающій восточные языки, въ портупей-прапорщики, съ назначеніемъ состоять переводчикомъ при оренбургской пограничной комисіи.

Прошло уже нѣсколько времени службы моей унтеръ-офицеромъ, какъ я, случайно, рискуя собою, спасъ жизнь протоіерея Андреева и его семейства во время происшедшаго ночью въ его домѣ пожара; хотя руки и лицо мое сильно обгорѣли и страданія отъ боли обжоговъ были едва выносимы, мнѣ удалось отстоять церковь. Протоіерей Андреевъ и все его семейство, въ порывѣ признательности за спасенную имъ жизнь, при всѣхъ бросились къ моимъ ногамъ, изъявляя мнѣ свою признательность; но обманчивая судьба только играла мною и надежда, едва вспыхнувъ обманчивымъ блескомъ, потухла въ самомъ началѣ: польскій мятежъ въ Варшавѣ уничтожилъ всѣ мои мечты. За мое самоотверженіе и челоуѣколюбивый подвигъ я былъ награжденъ вмѣсто званія офицера, на что рассчитывалъ, только признательностью спасенныхъ. Въ то время военнымъ губернаторомъ былъ высокій добродѣтелью и рѣдкими качествами графъ Сухтеленъ, который распорядился объявить мнѣ, что похвальный мой поступокъ будетъ имѣть въ виду, но за смертью ничего не успѣлъ для меня сдѣлать.

Послѣ Сухтелена генераль-губернаторомъ былъ назначенъ генераль-адъютантъ графъ Перовскій.

Онъ скоро замѣнилъ Виткевича и черезъ годъ произвелъ его въ первый офицерскій чинъ, еще черезъ годъ въ поручики и назначилъ старшимъ своимъ адъютантомъ. Въ это время быстрой служебной карьеры, Виткевичъ сдѣлалъ путешествіе верхомъ черезъ Усть-Уртъ въ Хиву, а оттуда въ Бухарію, гдѣ его узналъ

бѣглый русскій рядовой, служившій у Хана поваромъ и выдавъ его. Обреченный на смерть, онъ спасся отъ предстоявшихъ ему мученій и смерти только благодаря чудесному случаю и ловкости преданнаго бухарца Шепулата, помогшаго ему спастись бѣгствомъ.

Туманы и чрезвычайно подвижные пески способствовали къ скрытію слѣдовъ побѣга. Преодолѣвъ необыкновенныя трудности въ пути и оставивъ въ одномъ мѣстѣ уже безполезныхъ при дальнѣйшемъ бѣгствѣ лошадей съ подрѣзанными жилами у заднихъ ногъ, вмѣстѣ съ платьемъ, оружіемъ, деньгами и вещами, и просидѣвъ сутки въ кустарникахъ саксаула, занесенныхъ пескомъ, онъ въ самомъ жалкомъ положеніи добрался до Оренбурга и составилъ возможно вѣрнѣйшую карту пути по необозримымъ Кайсакъ-киргизскимъ, Хивинскимъ и Бухарскимъ степямъ. Карта эта была представлена императору Николаю Павловичу, вслѣдствіе чего, будучи вызванъ въ С.-Петербургъ, Виткевичъ удостоился личнаго объясненія съ государемъ. Отсюда его отправили въ Тегеранъ въ распоряженіе нашего посольства.

На пути слѣдованія Виткевичъ посѣтилъ развалины послѣднихъ памятниковъ завоеваній Александра Македонскаго: Сузу и Персеполисъ. Въ письмахъ своихъ ко мнѣ, онъ, зная мою любовь къ исторіи, изъявлялъ сожалѣніе, что я не могъ вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть эти замѣчательные памятники великаго завоевателя.

Пробывши въ Тегеранѣ три года, онъ возвратился въ С.-Петербургъ и здѣсь неожиданно застрѣлился.

Тайна его самоубійства осталась неразгаданной, тѣмъ болѣе, что ничто повидимому не вынуждало его къ такому поступку. Между тѣмъ, Ивашкевичъ и я, прослужа 5 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, удостоились, наконецъ, производства въ офицерскіе чины; этотъ переворотъ въ моей судьбѣ чрезвычайно меня обрадовалъ. Наконецъ-то, думалъ я, страданія мои кончились; все, казалось, благопріятствовало мнѣ. Товарищи мои—офицеры и солдаты, относившіеся до сихъ поръ ко мнѣ крайне строго и презрительно, смотрѣли на меня уже иначе, а баталіонный командиръ полковникъ Битнеръ, человѣкъ добрый и справедливый, но крайне строгій и исполнительный по службѣ, всегда отдававшій мнѣ справедливость, взялъ меня къ себѣ адъютантомъ. Здѣсь наступилъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ моей жизни, неизгладимыми чертами запечатлѣвшійся въ моей памяти.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1839 года былъ предположенъ знаменитый хивинскій походъ и я съ баталіономъ былъ переведенъ въ Оренбургъ, гдѣ уже начинались приготовленія къ походу, въ который мы и выступили 15-го ноября того же года, пользуясь дорогой, изслѣдованной и нанесенной на карту, какъ я говорилъ уже, въ первый разъ Виткевичемъ.

Передъ выступленіемъ, всѣ войска были собраны за рѣкою Ураломъ, близъ Оренбурга, составлено каре, отслуженъ молебенъ и прочтенъ всѣмъ высочайшій приказъ, которымъ экспедиціонный начальникъ генераль-адъютантъ графъ Перовскій уполномочивался жаловать собственною властью чинами до маіора включительно и наказывать смертью.

Во время похода насъ сопровождали страшные бураны, вьюги и мятели, настолько сильные, что несмотря на принимаемыя предосторожности и на то, что колонны разставлялись на мѣстахъ ночлеговъ въ самыхъ близкихъ разстояніяхъ, мы не видали другъ друга. Военная дисциплина все время соблюдалась весьма строго и это иногда порождало недоразумѣнія и плачевныя ошибки; такъ, однажды рядовой, сбившись съ своего поста и попавъ по нечаянности и невозможности отыскать свою—въ другую колонну, былъ принятъ за дезертира и разстрѣлянъ.

Изъ похода этого въ моей памяти осталось нѣсколько особенно поразительныхъ случаевъ, о которыхъ я упомяну здѣсь, не вдаваясь въ подробности, въ немногихъ словахъ.

Близъ Эмбенской крѣпости, по причинѣ жестокихъ бурановъ и морозовъ, не позволявшихъ намъ продолжать походъ, мы принуждены были стоять въ бездѣйствіи почти цѣлый мѣсяцъ и все это время продолжались холода на столько жестокіе, что часовые замерзали на своихъ постахъ и буквально обращались въ глыбы льда.

Взятыхъ проводниками при верблюдахъ киргизъ было съ нами до 1,000 человекъ; многіе изъ нихъ въ это жестокое и трудное время замерзли, а остальные, страшась холода и подобной же участи, не хотѣли продолжать путь, такъ что вынуждены были для примѣра двухъ изъ нихъ разстрѣлять. При исполненіи этой казни, бунтовщики-киргизы оказали необыкновенный азіатскій фанатизмъ и такое присутствіе духа и фаталистическое отношеніе къ жизни, что не дали даже привязать себя къ роковому столбу, не позволили завязать глазъ и до послѣдней минуты съ ожесточеніемъ продолжали уговаривать своихъ товарищей не повиноваться русскимъ. По разстрѣляніи зачинщиковъ, остальные киргизы смирились и пришли въ повиновеніе.

Предположено было срыть и очистить Акъ-Булакскую крѣпость, гдѣ въ это время находились поручики—Ъздаковъ и Ерофеевъ съ ротою, 50 человекъ оренбургскихъ казаковъ и однимъ легкимъ орудіемъ; имъ велѣно было выпроводить больныхъ изъ Акъ-Булака въ Эмбенскую крѣпость. При самомъ выходѣ изъ крѣпостныхъ воротъ, ихъ внезапно окружили верховые хивинцы въ количествѣ до 7,000 человекъ.

Команда не успѣла еще стянуться и постоять каре, какъ 40 верблюдовъ, навьюченныхъ провіантомъ, одинъ рядовой и поручикъ Ёздаковъ были схвачены; послѣдняго долго тащили по землѣ

наброшеннымъ на шею арканомъ два верховые хивинца и, только благодаря одному рядовому, который успѣлъ убить наѣзтниковъ, поручикъ Ёздаковъ успѣлъ освободиться отъ душившего его аркана и позорной участи, ожидавшей его, но рядовой палъ жертвою геройскаго самоотверженія: трудно было бы изобразить перенесенныя имъ неистовства хивинцевъ, долго мучившихъ и, наконецъ, изжарившихъ его на медленномъ огнѣ.

Поручикъ Ерофеевъ, свидѣтель этой варварской сцены, совершавшейся на его глазахъ, до того былъ пораженъ ужасомъ, что не въ состоянii былъ командовать, почему обязанность эту приняли на себя рядовые изъ ссыльныхъ Бѣльчинскій и Павловскій и сформировать кое-какъ каре, прогнали хивинцевъ, отбивъ обратно захваченныхъ ими верблюдовъ. Уронъ нашъ оказался незначительный.

За свой подвигъ рядовые Бѣльчинскій и Павловскій произведены въ офицеры, поручикъ Ерофеевъ въ чинъ капитана и пожалованъ орденомъ св. Владиміра съ бантомъ, а рядовые и казаки, въ числѣ 23 человекъ, награждены георгіевскими крестами.

Съ величайшими затрудненіями достигли мы наконецъ Усть-Урта, но здѣсь дальѣйшее наше движеніе остановилось за жестокими морозами, доходившими до 40°. Снѣжная и буранная зима разстроила всѣ планы, и мы вынуждены были вернуться, не достигнувъ цѣли похода. Число войскъ, доходившихъ до 8¹/₂ тысячъ, начало быстро уменьшаться. Вслѣдъ за людьми начали падать и животныя: верблюды, до 12 тысячъ, крайне полезные въ настоящемъ степномъ походѣ, вѣрно служившіе намъ до сихъ поръ; лошади, которыхъ насчитывалось до 19 тысячъ, частью подъ провозомъ провіанта до временныхъ крѣпостей: Эмбы и Акъ-Булака, — падали одни за другими. Много мѣшковъ съ мукой и другими припасами и провіантомъ зарыты были въ этотъ походъ въ снѣгахъ степей. Однимъ словомъ, несчастья одни за другими преслѣдовали насъ съ самаго выступленія и до конца похода, прерваннаго только необходимостью. Несчастья эти были такъ сильны, такъ неотразимы и такъ всецѣло занимали мысли графа Перовскаго, что часто, сидя въ глубокой задумчивости въ палаткѣ, съ склоненной на руки головою, онъ не слыхалъ доклада адъютантовъ о томъ, что рассчитанный впереди солдатами отъ снѣга путь, занесенъ снова, или другое въ подобномъ родѣ.

Во все время похода я командовалъ 2 ротой 5 линейнаго баталіона, состоявшею изъ 284 человекъ съ нестроевыми. Въ Акъ-Булакской крѣпости мною былъ полученъ приказъ взять на походъ съ ротой, въ которой осталось только 165 человекъ, съ 50 оренбургскими казаками и однимъ легкимъ орудіемъ съ прислугою, — 187 больныхъ, страдавшихъ сильно цингою и разслабленіемъ желудка. По данному маршруту, я долженъ былъ сдать ихъ въ Эмбенской крѣпости, употребивъ на переходъ 16 дней на разстоя-

ніи 160 верстъ и послѣ этого снова вернуться въ Акъ-Булакъ. Прошло много лѣтъ со времени этого порученія, но воспоминаніе объ этомъ переходѣ такъ свѣжо и отчетливо въ моей памяти, что и до сихъ поръ замираетъ сердце отъ ужаса. Стоны, вопли умирающихъ и больныхъ, томящихся въ предсмертныхъ мукахъ раздаются еще въ моихъ ушахъ. Быть свидѣтелемъ и видѣть невыносимыя страданія людей, не имѣя никакой возможности помочь—ужасно! Но натура человѣческая привыкаетъ ко всему. Съ ужасомъ и тоскою должно было равнодушно смотрѣть, какъ страдальцы, беспомощные больные томились и умирали, умоляя раздирающимъ сердце голосомъ о помощи, или прощались съ нами и съ своими отсутствующими семействами. Не было никакой возможности ни пособить имъ, ни облегчить ихъ страданія. Чтобы не потерять въ снѣговой пустынѣ и остальныхъ живыхъ и здоровыхъ людей, оставалось одно спасеніе—ускорить на сколько возможно переходъ. Буранъ закрывалъ все — мы не видѣли другъ друга; вой волковъ, степныхъ лисицъ, стоны верблюдовъ, крики часовыхъ, говоръ живыхъ людей, смѣшанный съ предсмертными стонами умирающихъ — возмущали, раздирали душу. Сцены эти продолжались 9 сутокъ, въ теченіе которыхъ я ускореннымъ маршемъ прибылъ съ больными въ Эмбенскую крѣпость; изъ 180 человѣкъ ихъ осталось въ живыхъ только трое; изъ роты моей потерявшихся или замерзшихъ въ пути—погибло 17 человѣкъ, 14 казаковъ и 3 артиллериста. Конечно, за такой подвигъ и самовольное сокращеніе маршрута, я долженъ былъ подвергнуться разстрѣліанію, каковыя примѣры уже были, но особенное снисхожденіе ко мнѣ дивизіоннаго начальника, генераль-лейтенанта Толмачева, который, цѣня мою ревностную и усердную службу, обращалъ на меня особенное вниманіе,—спасло меня. Онъ вполне понималъ, что мое самовольное сокращеніе маршрута было единственнымъ способомъ спасенія отъ смерти остальныхъ живыхъ и здоровыхъ. Я былъ оправданъ.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ. Снѣгъ таялъ, но морозы и бураны мало уменьшились, такъ что еще 20-го марта мы теряли людей, отлучавшихся за 50 саж. отъ лагеря, который они, за сильными мятелями и вьюгами, не могли найти при возвращеніи въ него. Въ началѣ апрѣля, 2-й колоннѣ, гдѣ находилась моя рота, приказано было перейти лагеремъ на рѣку Эмбу при устьѣ рѣки Атъ-Джаксы, гдѣ уже размѣстились остальные колонны. Казалось — тепло, покойно, свѣствыхъ припасовъ много — все обезпечивало жизнь и здоровье,—но, несмотря на это, между людьми начала распространяться жестокая цынга и страшно опустошала наши ряды. Составъ войска быстро уменьшался. Сняться съ лагеря и идти въ Оренбургъ не было никакой возможности: всѣ верблюды и лошади пали; пришлось дожидаться изъ Оренбурга быковъ, которые и

явились къ намъ только въ началѣ мая. Колонны двинулись въ Оренбургъ подъ командою генераль-лейтенанта Толмачева. Извѣстный по своей храбрости, предусмотрительности, дѣятельности по службѣ и строгости военной дисциплины, Толмачевъ назначилъ меня командиромъ летучаго отряда, обязаннаго цѣлыми сутками опережать на маршѣ колонны. Несмотря на всѣ трудности, я благополучно исполнилъ эту командировку.

Въ Оренбургъ мы прибыли 8-го іюля 1840 года въ составѣ 1500 человекъ, изъ которыхъ половина тотчасъ же отправилась въ военный госпиталь. По возвращеніи, мнѣ предписано было всѣ вещи и запасы, оставшіеся отъ похода, съ вѣрностью и точностью сдать по назначенію; за походъ я былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени, монаршимъ благоволеніемъ и 70 рублями изъ оставшихся экспедиціонныхъ суммъ. Здѣсь меня прикомандировали въ помощь полиціймейстеру Оренбурга для предупрежденія пожаровъ въ 1-мъ и 2-мъ кварталахъ. Эта трудная обязанность, недавняя мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью, исполнялась мною однакоже довольно удачно,—въ моихъ кварталахъ пожаровъ не случалось. Въ октябрѣ мѣсяцѣ мнѣ было предписано немедленно отправиться въ г. Мензелинскъ военнымъ пріемщикомъ рекрутъ, которыхъ я и принялъ около 900 человекъ и получилъ отъ оренбургскаго генераль-губернатора за точное и добросовѣстное исполненіе командировки благодарность, объявленную по корпусу. Въ Оренбургѣ въ это время за отсутствіемъ генераль-губернатора, должность его исправлялъ генераль-лейтенантъ Толмачевъ, который по возвращеніи моемъ изъ особенной благосклонности и вниманія, назначилъ меня для отличія по службѣ на Кавказъ, но къ несчастью разстроенное хивинскимъ походомъ здоровье не дозволило мнѣ воспользоваться столь лестнымъ и полезнымъ въ отношеніи служебной карьеры вниманіемъ, за что пришлось попасть въ немилость и тогда же получить строгое приказаніе отправиться въ Илецкую защиту и принять тамъ въ завѣдываніе 2 роты, впредь до назначенія штабъ-офицера. Немилость сердечно-уважаемаго мною начальника смягчилась для меня въ томъ отношеніи, что въ Илецкѣ я наполь прекрасное общество; но пребываніе мое тамъ продолжалось недолго; вскорѣ мною получено было новое предписаніе принять 800 четвертей сухарей отъ коменданта Илецкой защиты, полковника Поплавскаго, для предположеннаго шестимѣсячнаго степнаго похода. По исполненіи этого порученія, я 27-го марта 1841 года просилъ съ летучею почтой дозволенія явиться къ генералу Толмачеву для личныхъ объясненій, что онъ и дозволилъ. При этомъ объясненіи я просилъ у него отпуска на 15 дней, которымъ до сихъ поръ не пользовался еще ни разу во все время службы; хотя не безъ труда, но онъ согласился и тутъ же объявилъ мнѣ, что я назначенъ въ степь съ командою въ 120 человекъ рядовыхъ въ составѣ

отряда для прикрытія 4 орудій подѣ командою полковника генеральнаго штаба Бларамберга, который какъ не воинъ, а ученый человѣкъ, нуждался въ опытномъ офицерѣ, уже бывавшемъ въ степныхъ походахъ. Приказаше это, не смотря на разстроенное предъидущимъ походомъ здоровье, я принялъ съ удовольствіемъ.

Пользуясь отпускомъ, я рѣшился на важный шагъ: одинокая и скитальческая жизнь крайне надоѣла мнѣ, и я, задумавъ жениться, отправился въ Бирскій уѣздъ (нынѣ Уфимской губерніи) въ село Алексѣевку, гдѣ помолвилъ невѣсту, дочь мѣстнаго помѣщика Лукина.

Возвратясь въ Оренбургъ, я получилъ приказаніе немедленно явиться съ ввѣренной мнѣ командой къ отрядному начальнику Бларамбергу. 15-го мая мы выступили въ степь. Отрядъ, въ которомъ находился я, долженъ былъ провожать хивинскую и бухарскую миссіи; хивинскую на устьѣ рѣки Сыръ-Дарьи къ урочищу Камышъ-Тубашъ, а бухарскую,—придерживаясь лѣваго берега Сыръ-Дарьи, на ея верховья, къ древнему азіатскому кладбищу Милибашъ. И устьѣ Сыръ-Дарьи, и кладбище Милибашъ невольно привлекали къ себѣ вниманіе прелестными видами, любопытными по новизнѣ, а такъ же и по особенной флорѣ и фаунѣ, заинтересовавшими меня въ научномъ отношеніи.

Переправивши черезъ Сыръ-Дарью обѣ миссіи, мы хотѣли осмотрѣть свинцовыя руды, находящіяся въ изобиліи въ киргизской степи, но приближающаяся осень помѣшала нашему намѣренію и мы посгѣшили возвратиться въ предѣлы Россіи, по маршруту на Орскую крѣпость. Въ походѣ этомъ смертности у насъ не было, хотя приходилось выносить до 57° жара на открытомъ воздухѣ въ мѣстности, извѣстной подѣ названіемъ Барсуки, песчаной и безводной, прилегающей къ берегамъ рѣки Сыръ-Дарьи. Въ вожакахъ мы не нуждались: намъ указывали дорогу груды костей людей и животныхъ, оставшихся отъ хивинской экспедиціи. За Аманджерскими горами мы повертели на устьѣ Сыръ-Дарьи степью, еще намъ неизвѣстной.

Какъ въ хивинской экспедиціи, такъ и въ этой, путешествовалъ извѣстный натуралистъ Лиманъ, которому я способствовалъ въ сборѣ растеній и въ составленіи коллекцій насѣкомыхъ. Между прочимъ намъ удалось добыть двухъ хамелеоновъ, но къ неудовольствію нашему, по опущеніи ихъ въ спиртъ, замѣчательная игра и переливы красокъ ихъ кожи у живыхъ, совершенно исчезла и кожа обезцвѣтилась.

Въ Орской крѣпости отрядъ нашъ раздѣлился: кайсакъ-киргизы подѣ командою правителя или султана Средней орды, генерала Баймухамета ¹⁾, были распущены по своимъ ауламъ, Ураль-

¹⁾ Сынъ хана Малой орды Айчувака, утвержденъ султаномъ въ 1839 году,

скій казачій полкъ возвратился въ Уральскъ, артиллерія съ снарядами и прочими принадлежностями бывшаго отряда передана въ мое завѣдываніе.

По прибытіи въ Оренбургъ, я былъ награжденъ за походъ, по высочайшему повелѣнію, годовымъ окладомъ жалованья въ размѣръ 230 р. с. и, сдавъ 18-го сентября команду, получилъ отпускъ, которымъ и воспользовался, чтобы жениться. Послѣ женитьбы меня прикомандировали къ Уфимскому баталіону съ назначеніемъ ротнымъ командиромъ. Здѣсь моя дѣятельность ознаменовалась тѣмъ, что при новомъ устройствѣ казармъ, мнѣ первому предписано было перемѣститься туда съ ротою и устроить хозяйственно-экономическій порядокъ, который и былъ введенъ впослѣдствіи. Между прочими многочисленными порученіями военного начальства, я былъ постояннымъ военнымъ пріемщикомъ вмѣсто баталіоннаго командира въ губернскомъ рекрутскомъ присутствіи. При этихъ и другихъ по службѣ многосложныхъ занятіяхъ и непосильныхъ трудахъ, здоровье мое совершенно разстроилось, такъ что, имѣя въ виду хозяйственныя занятія въ маленькомъ имѣніи жены моей и заслуженную пенсію въ размѣръ двухъ третей получаемого жалованья, я принялъ намѣреніе проситься въ отставку, но прошеніе мое было возвращено баталіонному командиру съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ меня остаться на службѣ. Болѣзнь моя не позволила воспользоваться этимъ лестнымъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что надежда отдохнуть и пожить на свободѣ послѣ столькихъ трудовъ и испытаній,—обольщала меня. Я вышелъ въ отставку и поселился въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города Бирска, въ небольшой деревушкѣ Алексѣевкѣ—родинѣ жены моей, а впослѣдствіи и всѣхъ моихъ дѣтей. Но терпѣніе мое еще продолжало подвергаться испытаніямъ: вмѣсто слѣдовавшей мнѣ пенсіи я былъ отданъ подъ присмотръ полиціи, подъ опекою которой съ прискорбіемъ находился цѣлыхъ

онъ много дѣлалъ услугъ русскому правительству: выкупалъ плѣнниковъ, возвращалъ захваченный ордынцами скоть, удерживалъ киргизъ отъ хищническихъ набѣговъ, всегда содѣйствовалъ къ снаряженію отправляемыхъ по волѣ правительства съ оренбургской линіи въ киргизскую степь для ученыхъ цѣлей военныхъ отрядовъ и лично участвовалъ въ трудномъ походѣ хивинской экспедиціи. Пользовался любовью и привязанностью ордынцевъ въ такой степени, что они называли его Бай-ака, т. е. добрый отецъ. Въ началѣ 1847 г. по дѣламъ ввѣренныхъ ему ордынцевъ, онъ былъ въ С.-Петербургѣ со свитою въ 12 человекъ и между прочимъ посѣщалъ изъ любопытства публичныя и учебныя заведенія. Передъ выѣздомъ изъ С.-Петербурга всѣ состоящіе въ его свитѣ получили щедрыя награды, а самъ онъ удостоился производства въ чинъ генераль-маіора, какою милостію до него не пользовался ни одинъ изъ зауральскихъ султановъ. При возвратномъ пути, переправляясь близъ Затоннаго форпоста на нарочно устроенномъ по его приказанію изъ плетня на двухъ лодкахъ паромъ, онъ, въ виду аула, 28 марта со всѣми бывшими при немъ утонулъ на 57 году своей славной жизни.

6 лѣтъ. Съ теченіемъ времени жизненныя потребности увеличивались съ рожденіемъ дѣтей, требовавшихъ воспитанія, открылась нужда въ средствахъ и вотъ послѣ двадцатилѣтней военной службы все мое вниманіе и заботы сосредоточились на устройствѣ небольшого клочка земли въ 580 дес. съ 28 ревизскими душами, принадлежащими моей женѣ. Занятіе это въ опустѣломъ и совершенно заброшенномъ мѣстечкѣ было для меня ново и пріятно; хлѣбопашество, скотоводство и поташевареніе составили мой главный трудъ. Здѣсь, казалось мнѣ, я попалъ среди дикарей, инородцевъ, черемисъ, почти первобытныхъ дѣтей природы и полюбилъ ихъ.

Видя мои хозяйственныя нововведенія, черемисы сначала съ удивленіемъ присматривались къ нимъ, потомъ понемногу начали перенимать и примѣнять ихъ къ своему хозяйству и, въ концѣ концовъ, получили полное довѣріе ко мнѣ, такъ что нерѣдко являлись за совѣтами въ своихъ домашнихъ дѣлахъ и семейныхъ непріятностяхъ. Я свыкъся съ простотою сельской жизни и привязался къ своему дикому, уединенному пріюту.

Дѣла мои шли удачно — я былъ счастливъ, покоенъ и, по совету добраго друга, ксендза Зеленки, извѣстнаго въ Оренбургскомъ краѣ своимъ благородствомъ, человѣколюбивыми поступками и образованностью, рѣшился хлопотать о пенсіи. По ходатайству военнаго министра князя А. И. Чернышева, по случаю юбилея 25-ти-лѣтняго царствованія государя императора Николая Павловича, когда послѣдовало прощеніе всѣхъ принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ до 1826 года, я удостоенъ былъ заслуженной пенсіи въ 163 руб. 37 коп. въ годъ. Въ то же время я былъ неожиданно обрадованъ и тронутъ до глубины души извѣстіемъ о незабвенномъ другѣ моемъ Алексѣѣ Веденяпинѣ, который, какъ я узналъ, былъ на Кавказѣ раненъ, получилъ чинъ 14 класса и принять и обласканъ извѣстнымъ министромъ Дашковымъ, подъ кровомъ котораго онъ впослѣдствіи женился, жилъ и перешолъ въ вѣчность, оставивъ на рукахъ своего высокаго покровителя двухъ сыновей и дочь, которымъ Дашковъ далъ воспитаніе. И, вотъ, одинъ изъ сыновей Веденяпина, бывшій въ Оренбургской губерніи для пользованія кумысомъ, на возвратномъ пути въ С.-Петербургъ, желалъ видѣться со мной, но желаніе его не сбылось — онъ нашелъ только моего сына въ уфимской гимназіи и обнялъ его вмѣсто меня, какъ друга.

Черезъ нѣсколько времени судьбѣ угодно было дать другое направленіе моей покойной и отрадной жизни. Внезапно домъ мой въ деревнѣ, такъ удобно и хорошо мною устроенный, сгорѣлъ во время моего отсутствія, какъ я предполагаю, отъ поджога. Но это еще не все. Весеннею водою снесло мельницу, приносившую порядочный доходъ и совершенно уничтожило плотину. Раззорившись отъ такихъ неожиданныхъ и жестокихъ потерь, мнѣ по необходимости

пришлось вновь поступить на службу, но уже по гражданскому вѣдомству, не имѣя къ ней призванія. Переимѣнивъ военный чинъ поручика на соотвѣтственный гражданскій, я получилъ мѣсто городничаго въ г. Бирскѣ, но, по стеченію разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не могъ тамъ долго оставаться и, имѣя въ виду непрочность своего положенія въ случаѣ назначенія на это мѣсто кого-либо комитетомъ о раненыхъ, просилъ увольненія и, получивъ его, снова удалился въ свой завѣтный, пустынный уголокъ къ любимымъ дикарямъ, простымъ и безхитростнымъ дѣтямъ природы. Началась снова трудовая жизнь; все приходилось начинать снова, хотя силы и энергія уже замѣтно измѣняли мнѣ. Чтобы устроить какъ-нибудь пріютъ для семейства и начать вновь хозяйство, я, собравъ все, что было нажито честнымъ трудомъ, снова занялся постройкою дома, мельницы и домашнихъ заведеній. Дѣла, выключая нѣкоторыхъ семейныхъ лишеній и огорченій, въ началѣ пошли очень удачно. Торговля хлѣбомъ и увеличеніе посѣвовъ помогли мнѣ; я отдохнулъ, жизнь снова пошла спокойною чередой. Въ 1861 году, съ самаго введенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ 19-го февраля, я удостоился назначенія мировымъ посредникомъ и, по мѣрѣ силъ, старался быть полезнымъ правительству и обществу, имѣя главною цѣлью устроить все миролюбиво между помѣщиками и крестьянами, что и удавалось мнѣ. При переходномъ состояніи крестьянъ удѣльныхъ, государственныхъ и башкиръ, случались частыя затрудненія, но, живя много лѣтъ между народомъ, я успѣлъ узнать и проникнуть въ его характеръ настолько, что преодолевалъ всѣ затрудненія. Выкупные платежи, подати, недоимки, натуральныя повинности и улучшеніе на сколько возможно крестьянскаго быта—шло удачно; меня утѣшало въ особенности то, что я видѣлъ отъ многихъ изъ этихъ грубыхъ людей искреннюю къ себѣ признательность. Во многихъ удѣльныхъ и временно-обязанныхъ селеніяхъ я открылъ школы для мальчиковъ и дѣвочекъ и далъ имъ прочное основаніе. Уже и этого одного было для меня достаточно. Прослужа въ должности посредника почти 6 лѣтъ, я утѣшался тѣмъ, что время мною потрачено не даромъ. Но горькій опытъ уже научилъ меня, что въ мірѣ ничего нѣтъ прочнаго! И дѣйствительно, спокойствіе, такъ необходимое въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ, нарушилось интригами составившейся противъ меня партіи, всѣми мѣрами старавшейся вредить мнѣ изъ какихъ-то особыхъ видовъ и цѣлей въ глазахъ правительства доносами и клеветами, хотя совѣсть моя была чиста, а жизнь безукоризненна. Начались снова тяжкія испытанія и хотя я твердъ въ душѣ, но силы уже измѣняютъ мнѣ.

Въ 1866 году 23-го декабря, внезапный пожаръ отъ неизвѣстной причины уничтожилъ до основанія мукомольную мельницу съ запасомъ хлѣба. Эта потеря страшно поразила меня. Но это еще

не все—къ потерямъ матеріальнымъ присоединились и муки нравственныя.

Въ 1867 году 18-го января, получено мною отъ г. начальника губерніи увѣдомленіе, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ шефомъ жандармовъ, напoлѣ необходимымъ временно удалить меня отъ занимаемой мною должности мирового посредника съ прекращеніемъ пенсіи. Провѣряя всю мою службу, всю мою жизнь, я не вижу ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни одного проступка, который могъ бы подвергнуть меня такому тяжолoму наказанію, запятнавшему не только ревностную и труженническую 30-ти-лѣтнюю мою службу, но и мою фамилію. Соображая всѣ мои поступки, я не постигаю причины такого ужаснаго случая. Мысли мои останавливаются на моемъ происхожденіи... Но я 42 года проживаю въ восточной части Европейской Россіи. Жизнь моя чиста, безукоризненна! Безвыѣдно живя въ Бирскомъ уѣздѣ 23 года, я имѣлъ друзей, но и враговъ себѣ нажилъ: обязанность мирового посредника давала мнѣ возможность и случаи преслѣдовать низость, лихоимство и грязные поступки; къ этому присоединились нѣкоторыя родственныя ссоры, породившія неприязненныя ко мнѣ отношенія нѣкоторыхъ; не имѣя возможности повредить мнѣ ничѣмъ здѣсь, они употребили низкую клевету предъ правительствомъ...

На этомъ записки ссыльнаго А. С. Песляка прерываются. Неожиданная смерть, заставшая его среди любимаго семейства, не позволила ему дождаться при жизни полнаго оправданія отъ злѣпыхъ подозрѣній, брошенныхъ на него враждебной ему партіей. Смерть А. С. заставила прекратить клевету и преслѣдованіе злобствовавшихъ, не пощадившихъ ни сѣдинъ, ни 30-ти-лѣтнихъ трудовъ на пользу отечества престарѣлаго страдальца.

Послѣ А. С. Песляка осталось много рукописей, замѣтокъ, коллекцій минераловъ и проч. Время быть можетъ выдвинетъ на свѣтъ Божій и эти остатки.

М. В. Лоссіевскій.

